

пристрастными, искаженными ожиданиями, заставляющими искать в тексте не то, что в нем есть на самом деле. Так, понятие "социальное учреждение", уже упомянутое выше, восходит к хьюзовской социально-экологической интерпретации "институтов"⁵; отношение же к Гоффману как к символическому интеракционисту эффективно прячет от глаз переводчика всю значимость этого термина, появляющегося чуть позже как центральное понятие в книге "Приюты"⁶, и скрывает связь данного исследования с другими работами того же периода.

Этих общих ориентиров будет, вероятно, достаточно. Для проверки того, какие следствия влечет за собой их принятие, можно сопоставить два перевода, опубликованный ранее и публикуемый здесь (гораздо более буквальный). При необходимости можно сравнить оба варианта с англоязычным оригиналом как конечным эмпирическим основанием для вынесения окончательного вердикта.

*В.Г. Николаев*⁷

⁵ См., например: Хьюз Э. Институты // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. М., 2004. № 1. С. 133-159; № 2. С. 129-165.

⁶ Эта книга посвящена "тотальным институтам", или "тотальным учреждениям", как типу учреждений, в котором наиболее выпукло проявляются черты, свойственные "социальным учреждениям" вообще, в том смысле, в каком это понятие определяется в начале публикуемого ниже фрагмента.

⁷ Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Наш постоянный автор и переводчик.

ЭРВИНГ ГОФФМАН

ПРЕПОДНЕСЕНИЕ СЕБЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ (фрагменты из книги)*

Глава VII. Заключение
Общая рамка

Социальное учреждение — это любое место, окруженное фиксированными барьерами для восприятия, в котором регулярно происходит особый вид деятельности. Я предположил, что любое социальное учреждение можно, и не без пользы, изучить с точки зрения управления впечатлениями. В стенах социального учреждения мы находим команду исполнителей, которые сотрудничают в преподнесении аудитории данного определения ситуации. Сюда будут включены представления о собственной команде и об аудитории, а также допущения касательно этоса, который должен поддерживаться правилами вежливости и приличия. Мы часто обнаруживаем разделение на закулисный регион, где происходит подготовка к исполнению рутин, и фронтальный регион, где преподносится исполнение. Доступ в эти регионы контролируется, дабы не дать аудитории увидеть происходящее за кулисами и не допустить попадания посторонних на представление, которое для них не предназначено.

Мы обнаруживаем, что в кругу членов команды преобладает фамильярность, вероятно развитие солидарности, хранятся общие тайны, разглашение которых могло бы сорвать шоу. Между исполнителями и аудиторией поддерживается негласное соглашение действовать так, как если бы между ними существовала некоторая заданная мера оппозиции и гармонии. Как правило, но не всегда, согласие подчеркивается, а оппозиция замалчивается. С возникающим в итоге рабочим консенсусом могут входить в противоречие та установка в отношении аудитории, которую исполнители выражают в ее отсутствие, и та тщательно контролируемая коммуникация вне рамок исполняемого персонажа, которую исполнители предьявляют, когда аудитория присутствует.

* Перевод выполнен по источнику: Goffman E. The Presentation of Self in Everyday Life. Garden City, N.Y., 1959. P. 238-255.

Мы замечаем, что складываются двоящиеся роли: некоторые из индивидов, внешне выступая как члены команды, аудитория или посторонние, приобретают информацию об исполнении и связи с командой, не являющиеся очевидными и усложняющие проблему постановки шоу. Иногда случаются сбои, вызванные нечаянными жестами, бестактностями и "сценами"; при этом поддерживаемое определение ситуации дискредитируется или опровергается. Мифология команды будет спотыкаться о такие разрушительные события.

Мы обнаруживаем, что все — исполнители, аудитория, посторонние — пользуются техниками спасения шоу, либо избегая вероятных срывов, либо исправляя то, чего не удалось избежать, либо предоставляя другим возможность это сделать. Дабы гарантировать применение этих техник, команда обычно отбирает в свой состав лояльных, дисциплинированных и осматриваемых членов и подбирает себе тактичную аудиторию.

Эти черты и элементы образуют, стало быть, общую рамку, которую я считаю характерной для значительной части того социального взаимодействия, которое происходит в естественных обстановках в нашем англо-американском обществе. Эта рамка формальна и абстрактна, в том смысле, что применить ее можно к любому социальному учреждению. Однако это не просто статичная классификация. Эта рамка относится к тем динамическим проблемам, которые создаются мотивацией на поддержание выстроенного для других определения ситуации.

Аналитический контекст

Этот отчет был посвящен главным образом социальным учреждениям как относительно закрытым системам. В нем предполагалось, что связь одного учреждения с другими сама является законной областью изучения и что ее следует аналитически трактовать как часть иного порядка фактов — порядка институциональной интеграции. Теперь хорошо было бы попытаться поместить принятую в этом отчете перспективу в контекст других перспектив, которые, похоже, используются в настоящее время, скрыто или явно, при изучении социальных учреждений как закрытых систем. В первом приближении можно выделить четыре таких перспективы.

Учреждение можно рассматривать "технически", под углом зрения его эффективности и неэффективности как преднамеренно организованной системы деятельности для достижения заранее определенных целей. Учреждение можно рассматривать "политически", под углом зрения того, каких действий каждый участник (или класс участников) может требовать от других участников, какие виды лишений и привилегий могут устанавливаться для подкрепления этих требований и какие виды социального контроля налагаются на это отправление власти и применение санкций. Учреждение можно рассматривать "структурно", с точки зрения горизонтальных и верти-

кальных статусных подразделений и видов социальных отношений, связывающих эти группировки друг с другом.

Наконец, учреждение может быть рассмотрено "культурно", с точки зрения моральных ценностей, оказывающих влияние на деятельность в учреждении, — ценностей, относящихся к модам, обычаям и вкусам, к вежливости и приличиям, к конечным целям и нормативным ограничениям на средства и т.д. Заметим, что все факты, которые можно раздобыть относительно учреждения, релевантны каждой из четырех перспектив, но каждая перспектива приводит эти факты в особый порядок, исходя из своего особого приоритета.

Драматургический подход, как мне кажется, может предложить пятую перспективу, дополнительно к технической, политической, структурной и культурной¹. Драматургическая перспектива, как и любая из четырех других, может быть использована как завершающий пункт анализа, как окончательный способ упорядочения фактов. При этом мы описывали бы техники управления впечатлениями, используемые в изучаемом учреждении, основные проблемы управления впечатлениями в этом учреждении, идентичность и взаимосвязи действующих в учреждении команд исполнителей. Но, как и в случае фактов, используемых в любой другой перспективе, факты, специфически относящиеся к управлению впечатлениями, имеют также определенное отношение к тому, что составляет предмет интереса во всех других перспективах. Пожалуй, стоит это как-то проиллюстрировать.

Техническая и драматургическая перспективы, вероятно, наиболее явно пересекаются в отношении стандартов работы. Для обеих перспектив важен тот факт, что один круг индивидов будет проявлять интерес к проверке неявных характеристик и качеств трудовых свершений другого круга индивидов, а этот другой круг будет заботиться о создании впечатления, что его работа воплощает в себе эти скрытые атрибуты. Политическая и драматургическая перспективы явно пересекаются при рассмотрении способности одного индивида направлять деятельность другого. Прежде всего, для управления другими индивидом будет часто находить полезным утаивать от них стратегические секреты.

Кроме того, если один индивид пытается направлять деятельность других с помощью личного примера, просвещения, убеждения, обмена, манипуляции, авторитета, угрозы, наказания или принуждения силой, то ему, независимо от его властной позиции, будет необходимо эффективно передавать другим то, чего он от них хочет, что он готов сделать, чтобы этого до-

¹ Ср. с позицией Освальда Холла по поводу возможных перспектив изучения закрытых систем, изложенной в его работе "Методы и техники исследования человеческих отношений" (апрель 1952 г.), отчет о которой приводится в: *Hughes E.C. et al. Cases on Field Work* (в печати).

абстракции и три перспективы, с точки зрения которых изучается социальная жизнь.

Сравнения и исследование

В этом отчете использовались иллюстрации, взятые не только в англо-американском, но и в других обществах. Поступая так, я вовсе не имел в виду, что предложенная здесь общая рамка свободна от культуры и может быть с равным успехом применена к одним и тем же сферам социальной жизни, как в нашем обществе, так и в незападных. Наша социальная жизнь протекает внутри помещений. Мы – подлинные специалисты в фиксированных обстоятельствах, в удержании чужаков за пределами своей жизни и в предоставлении исполнителю некоторой приватности, в которой он мог бы подготовиться к шоу. Однажды начав представление, мы склонны доводить его до конца, и мы восприимчивы к тем диссонирующим нотам, которые могут в ходе него прозвучать. Когда нас ловят на ложной саморепрезентации, мы чувствуем себя глубоко униженными. При всех наших общих драматургических правилах и склонностях вести себя определенным образом мы не должны упускать из виду сферы жизни в других обществах, где явно следуют другим правилам. Дневниковые записи западных путешественников полны примеров того, как их драматургическое чувство было задето и уязвлено, и если мы хотим предложить обобщения, относящиеся и к другим культурам, нужно учесть эти случаи наравне с теми, которые более для нас привычны.

Мы должны быть готовы увидеть в Китае, что в то время как в уединенной чайной комнате действия и декорации могут быть удивительно гармоничными и согласованными друг с другом, в самых простых ресторанах могут подаваться исключительно изысканные блюда, а магазинчики, похожие на жалкие лачуги и наполненные грубыми, фамильярными продавцами, могут содержать в своих закромах рулоны удивительно изящного шелка, завернутые в старую оберточную бумагу². И, находясь среди людей, о которых говорят, что они заботятся о сохранении лица друг друга, мы должны быть готовы прочесть: "К счастью, китайцы не верят в приватность дома, как это делаем мы. Они не возражают против того, чтобы все подробности их повседневного опыта мог лицезреть любой, кто захочет. Как они живут, что они едят, и даже семейные склоки, которые мы пытаемся утаить от общественности, – все это, похоже, является общим достоянием, а не принадлежит лишь той конкретной семье, которой это больше всего касается"³.

И мы должны быть готовы увидеть, что в обществах с устоявшимися неэгалитарными статусными системами и сильными религиозными ориентациями индивиды порой относятся ко всей этой гражданской драме не столь

ревностно, как мы, и будут пересекать социальные барьеры мельчайшими жестами, которые оказывают скрытому за маской человеку больше признания, чем мы могли бы счесть для себя допустимым.

Кроме того, мы должны быть максимально осторожны, когда пытаемся охарактеризовать с точки зрения драматургических практик наше общество в целом. Например, относительно нынешних отношений между менеджментом и трудом нам известно, что команда может вступать в совместные консультации с оппозицией, зная, что это, возможно, понадобится для того, чтобы создать видимость гневного ухода с такой встречи. Постановка похожего шоу требуется иногда и от дипломатических команд. Иными словами, хотя команды в нашем обществе обычно обязаны скрывать свой раж за рабочим консенсусом, бывают и такие случаи, когда команды обязаны спрятать видимость рассудительной оппозиции за демонстрацией бьющих через край чувств. Аналогичным образом, бывают случаи, когда индивиды, хотя бы они того или не хотят, будут чувствовать себя обязанными разрушить взаимодействие, чтобы спасти свою честь и свое лицо. Следовательно, было бы разумнее начать с меньших по размеру единиц, с социальных учреждений или классов учреждений или с отдельных статусов и скромно документировать сравнения и изменения, пользуясь методом изучения частных случаев. Например, у нас есть следующая информация о шоу, которые закон позволяет ставить бизнесменам: "За последнюю половину века произошло заметное изменение в отношении судов к вопросу об оправданном доверии. Прежние судебные решения под влиянием господствующей доктрины "caveat emptor"⁴ придавали большое значение "долгу" истца заботиться о себе самостоятельно и не доверять своему антагонисту; ими устанавливалось, что он не имеет права полагаться даже на позитивные фактические утверждения, сделанные лицом, с которым он непосредственно заключает сделку. Предполагалось, что от каждого можно ждать обмана другого во время торга, что это зависит лишь от его способности этого добиться и что только дурак будет ожидать обычной честности. Поэтому истец должен разумно обо всем разузнать и составить собственное суждение. Признание нового стандарта деловой этики, требующего, чтобы фактические утверждения были по крайней мере честными и добросовестными, а во многих случаях и того, чтобы была гарантирована их правдивость, привело к едва ли не полному изменению этой точки зрения.

Ныне считается, что фактическим утверждениям о количестве и качестве продаваемой земли или товаров, финансовом положении корпораций и прочих вопросах, влияющих на совершение коммерческой сделки, можно оправданно доверять без специальной проверки, причем не только тогда,

² Macgowan J. Sidelights on Chinese Life. Philadelphia, 1908. P. 178-179.

³ Ibid. P. 180-181

⁴ Юр., ком. "качество на риск покупателя" (лат. "да будет осмотрителен покупатель").

когда такая проверка обременительна и затруднительна, например, когда продаваемый земельный участок находится далеко, но и в тех случаях, когда ложность предоставляемой информации может быть без особых усилий обнаружена подручными средствами⁵.

Но хотя в деловых отношениях откровенность, быть может, и возрастает, мы располагаем свидетельствами того, что консультанты по вопросам семьи и брака все больше сходятся во мнении, что индивид не должен чувствовать себя обязанным рассказывать "второй половине" о своих прежних "похождениях", так как это может лишь привести к ненужному напряжению. Можно привести и другие примеры. Мы знаем, что примерно до 1830 г. пабы в Британии давали рабочим закулисную обстановку, мало чем отличавшуюся от их собственных кухонь, и что после этого на авансцену внезапно вышла пивная (*gin palace*), давшая во многом той же клиентуре более изысканную фронтальную зону, чем та могла бы мечтать⁶. У нас есть документы по социальной истории отдельных американских городов, повествующие о том, как в последнее время поблекла изысканность домашних и светско-развлекательных фасадов (*fronts*) местных высших классов.

В противоположность этому, есть и другие материалы. В них описываются недавнее возрастание изощренности в обстановках, которыми пользуются профсоюзы⁷, и набирающая силу тенденция "укомплектовывать" эти обстановки экспертами из академической среды, приносящими в них ауру глубокомыслия и респектабельности⁸. Мы можем проследить изменения в планировке зданий и помещений некоторых промышленных и коммерческих организаций и показать возрастание степени фасадности как в отношении внешнего вида головного офиса, так и в отношении внутреннего оформления конференц-залов, вестибюлей и комнат для посетителей в подобных зданиях.

В каком-нибудь фермерском сообществе мы можем увидеть, как хлев, который был некогда закулисным продолжением кухни и в который можно было попасть через дверцу рядом с печью, позднее был отодвинут на некоторое расстояние от дома и как сам дом, некогда беззащитно стоявший посреди сада, сельскохозяйственного инвентаря, мусора и пасущейся скотины, становится, в некотором отношении, ориентированным на связи с общест-

⁵ *Prosser W.L.* Handbook of the Law of Torts. Hornbook Series; St. Paul, Minn., 1941. P. 749-750.

⁶ *Gorham M.*, *Dunnett H.* Inside the Pub. L., 1950. P. 23-24.

⁷ См., например: *Hunter F.* Community Power Structure. Chapel Hill, 1953. P. 19.

⁸ См.: *Wilensky H.* The Staff "Expert": A Study of the Intelligence Function in American Trade Unions (неопубликованная докторская диссертация, Department of Sociology, University of Chicago, 1953). Chapter IV, — где обсуждается "витринная" функция штатных экспертов. Аналог этого поветрия, имеющий место в бизнесе, упоминается в: *Riesman D.* (in coll. with R. Denny and N. Glazer). The Lonely Crowd. New Haven, 1950. P. 138-139.

венностью своим огороженным и относительно ухоженным палисадником, преподносящим сообществу его нарядную сторону, в то время как всевозможный хлам валяется в беспорядке на неогороженных задворках. И по мере того как пристроенный к дому хлев исчезает, а судомойня при кухне встречается все реже, мы можем наблюдать совершенствование домашних помещений (*establishments*), в которых кухня, обладавшая когда-то в прошлом своими закулисными зонами, становится сегодня наименее презентабельным регионом, становясь при этом все более презентабельной.

Мы можем также проследить то особое социальное движение, которое заставило некоторые фабрики, корабли, рестораны и домохозяйства вычистить свои закулисные зоны до такой степени, что их хранители, словно монахи, коммунисты или немецкие цеховые мастера, всегда стоят начеку, дабы не было ни одного места, где их фасады обнаружили бы постыдную оплошность, а члены аудитории, в свою очередь, настолько погружены в транс общественным "оно", что зорко обследуют именно те места, которые были специально для них очищены. Платное присутствие на репетициях симфонического оркестра — лишь один из последних примеров этого. Мы можем наблюдать то, что Эверетт Хьюз называет коллективной мобильностью, посредством которой носители статуса пытаются изменить комплект задач, выполняемых ими, так, чтобы от них не требовалось ни одного действия, которое бы экспрессивно не совмещалось с тем образом Я, который эти должностные лица пытаются за собой закрепить.

Также внутри того или иного социального учреждения мы можем наблюдать параллельный процесс, который можно назвать "ролевым предприятием", когда тот или иной его член пытается не столько подняться на уже установленную высшую позицию, сколько создать для себя новую — позицию, которая предполагает обязанности, должным образом выражающие конгениальные ему атрибуты. Мы можем исследовать процесс специализации, посредством которого многие исполнители приходят к тому, что днем кратковременно пользуются совместно с другими самыми изощренными социальными обстановками, а ночью довольствуются уединенным сном в самой непритязательной комнатке. Мы можем сделать предметом исследования диффузию многозначительных фасадов — таких, как лабораторные склянки, нержавеющая сталь, резиновые перчатки, белый кафель, лабораторный халат, — которые дают все большему числу лиц, связанных с выполнением неприглядных задач, способ самоочищения.

Начав с присущей высокоавторитарным организациям тенденции требовать от одной команды, чтобы она тратила свое время на привнесение строго предписанной чистоты в обстановку, в которой исполнять [представление] будет другая команда, мы можем проследить в таких учреждениях, как больницы, военно-воздушные базы и крупные домохозяйства, текущее ослабление гипертрофированной строгости таких обстановок. И наконец, мы

можем проследить зарождение и диффузию культурных паттернов джаза и "Западного побережья", в которых такие слова, как *bit*, *goof*, *scene*, *drag*, *dig* являются привычными элементами речи, которые позволяют индивидам поддерживать подобие профессионально-артистического отношения к техническим аспектам ежедневных представлений.

Роль экспрессии в передаче впечатлений о себе

Наверное, под конец можно позволить себе одну моральную ноту. В этом отчете экспрессивный компонент социальной жизни трактовался как источник впечатлений, выдаваемых другим или получаемых другими. Впечатление, в свою очередь, трактовалось как источник информации о неочевидных фактах и как средство, с помощью которого реципиенты могут управлять своей реакцией на информатора без необходимости дожидаться восприятия всех последствий действий этого информатора. Экспрессия, следовательно, трактовалась с точки зрения той коммуникативной роли, которую она играет в ходе социального взаимодействия, а не с точки зрения, например, консумматорной функции, или функции снятия напряжения, которую она может выполнять для выразителя⁹.

В основе любого социального взаимодействия лежит, по всей видимости, некая фундаментальная диалектика. Когда один индивид входит в присутствие других, у него появляется потребность выяснить факты ситуации. Если бы он обладал такой информацией, он мог бы знать, что должно произойти, и внести свой вклад в происходящее, мог бы дать другим присутствующим все, что им причитается, насколько это согласуется с его просвещенным эгоистическим интересом. Для раскрытия фактической природы ситуации в полном объеме индивиду нужно было бы знать все релевантные социальные данные о других.

Кроме того, ему нужно было бы знать действительный исход, или конечный результат, деятельности других во время взаимодействия, а также их тайные чувства по отношению к нему. Полная информация такого рода редко бывает доступной. В отсутствие ее индивид склонен пользоваться как инструментами предсказания ее заместителями: случайными репликами, психологическими ловушками, намеками, выразительными жестами, статусными символами и т.д.

Короче говоря, поскольку реальность, которой индивид озабочен, в данный момент для восприятия недоступна, ему приходится вместо этого опираться на видимость (*appearances*). И вот что парадоксально: чем больше индивида заботит не поддающаяся восприятию реальность, тем больше он должен сосредоточивать свое внимание на видимостях.

Индивид склонен обращаться с другими присутствующими на основе того впечатления, которое они в данный момент выдают о прошлом и будущем. Именно здесь коммуникативные акты переводятся в моральные. Впечатления, выдаваемые другими, обычно трактуются как притязания и обещания, неявно ими выражаемые, а притязания и обещания обычно имеют моральный характер. Индивид мысленно говорит: "Я использую эти впечатления о тебе как способ выяснения того, кто ты такой и что ты делаешь, и тебе не следует сбивать меня с толку". Интересно здесь то, что эту позицию индивид склонен занимать, даже если он ожидает, что другие не будут сознавать многих своих выразительных поведений, и даже если он надеется воспользоваться другими на основе той информации, которую он о них выуживает. Поскольку источники впечатления, используемые наблюдающим индивидом, вовлекают в дело многочисленные стандарты вежливости и приличия, относящиеся как к общению, так и к выполнению задач, то мы можем по-новому оценить, насколько повседневная жизнь опутана моральными ограничениями.

Теперь перейдем к точке зрения других. Если они собираются поступить как джентльмены и подыграть индивиду, они будут обращать мало осознанного внимания на тот факт, что о них формируются впечатления, и скорее будут действовать без обмана и хитрости, позволяя индивиду получать достоверные впечатления о себе и своих усилиях. И если им вдруг придет в голову, что их наблюдают, они не будут позволять этому неправильно на них повлиять, находя удовлетворение в убеждении, что индивид получит правильное впечатление и воздаст им за это должное. Если они озаботятся тем, как повлиять на то, как индивид их истолкует, — а этого, собственно, и следует ожидать, — то в их распоряжении будут джентльменские средства. Им нужно лишь направлять свое действие в настоящем так, чтобы его будущие последствия были такими, что заставили бы справедливого индивида отнестись к ним сейчас так, как им бы хотелось, чтобы к ним отнеслись; если это делается, им остается лишь положиться на восприимчивость и справедливость наблюдающего их индивида.

Иногда наблюдаемые, разумеется, пользуются этими подобающими средствами оказания влияния на то, как наблюдатель их трактует. Однако есть и другой путь для оказания наблюдаемыми влияния на наблюдателя, куда более короткий и эффективный. Вместо того чтобы позволить впечатлению об их деятельности возникать как случайному побочному продукту самой этой деятельности, они могут переориентировать свою систему координат (*frame of reference*) и направить усилия на создание желаемых впечатлений. Вместо того чтобы пытаться достичь каких-то целей приемлемыми средствами, они могут пытаться добиться впечатления, что достигают каких-то целей приемлемыми средствами. Всегда есть возможность манипулировать впечатлением, которым наблюдатель пользуется как заменой ре-

⁹ Одну из последних трактовок такого рода можно найти в книге: *Parsons T., Bales R.F., Shils E.A. Working Papers in the Theory of Action*. Glencoe, Ill., 1953. Chap. II, "The Theory of Symbolism in Relation to Action". (См. рус. перевод: *Парсонс Т. Теория символизма в отношении действия* // ЛиКО. 2004. Том VI. Вып. 2. С. 28-57.)

альности, поскольку знак присутствия вещи, не будучи этой вещью, может использоваться и в ее отсутствие. Сама вынужденная потребность наблюдателя полагаться на репрезентации вещей создает возможность ложной репрезентации.

Есть многочисленные классы лиц, которые чувствуют, что не смогут остаться в бизнесе, каким бы ни был их бизнес, если будут ограничивать себя джентльменскими средствами влияния на индивида, который их наблюдает. В той или иной точке круга своей деятельности они вдруг чувствуют, что нужно сгруппироваться и заняться прямой манипуляцией впечатлением, которое они производят. Наблюдаемые становятся командой исполнителей, а наблюдатели становятся их аудиторией. Действия, кажущиеся направленными на объекты, становятся жестами, адресованными аудитории. Круг повседневной деятельности театрализуется.

Вот тут-то мы и приходим к базовой диалектике. Выступая в качестве исполнителей, индивиды будут заботиться о поддержании впечатления, что они соответствуют множеству стандартов, по которым судят о них и их продуктах. Поскольку эти стандарты очень многочисленны и все собой пронизывают, то индивиды, являющиеся исполнителями, больше погружены в моральный мир, чем мы могли бы подумать. Но как исполнителей индивидов заботит вовсе не моральная проблема реализации этих стандартов, а аморальная проблема конструирования убедительного впечатления, что эти стандарты реализуются.

Следовательно, наша деятельность в большой степени затрагивает моральные вопросы, но как исполнители мы не проявляем к ним морального интереса. Как исполнители мы являемся торговцами нравственностью. Наш день наполнен теснейшим контактом с товарами, которые мы выставляем на обозрение, а наши умы наполнены тонким их пониманием; но при этом вполне может быть, что чем больше внимания мы уделяем этим товарам, тем более далекими мы себя чувствуем от них и от тех, кто достаточно доверчив, чтобы их купить. Иначе говоря, сами обязательность и выгода неизменного появления индивида в стойком моральном освещении, т.е. явления его в облике социализированного персонажа, заставляют его быть человеком, искушенным в тонкостях сцены.

Сценическая постановка и Я

Общее понимание того, что мы преподносим себя другим, вряд ли является чем-то новым; что в завершение следует подчеркнуть, так это то, что саму структуру Я можно рассмотреть в терминах того, как мы устраиваем такие представления в нашем англо-американском обществе.

В этом отчете индивид неявно подразделялся на две основные части: он виделся как *исполнитель*, измотанный фабрикатом впечатлений, втянутый в слишком человеческую задачу постановки представления; и он виделся как

персонаж, образ, обычно положительный, чьи дух, силу и другие безупречные качества исполнение призвано сотворить. Атрибуты исполнителя и атрибуты персонажа – вещи разного порядка, причем принципиально разного, и тем не менее оба набора атрибутов обретают смысл в рамках шоу, которое "должно продолжаться".

Начнем с персонажа. В нашем обществе персонаж, который исполняется человеком, и Я этого человека в какой-то мере приравняются друг к другу, и это Я-как-персонаж обычно видится как нечто, обитающее в теле его владельца, особенно в верхних его отделах, будучи своего рода связующим узелком в психобиологии личности. Я полагаю, что этот взгляд подспудно присутствует в том, что все мы пытаемся преподнести другим, но именно в силу этого служит плохой основой для анализа преподнесения. В этом отчете исполняемое Я виделось как своего рода образ, обычно достойный доверия, который индивид на сцене, разыгрывая персонаж, эффективно пытается заставить других принять в отношении него. Хотя этот образ принимается *относительно* индивида, так что ему вменяется некое Я, само это Я выводится не из его обладателя, а из всей сцены его действия, порождаясь тем атрибутом локальных событий, который делает эти события поддающимися интерпретации для очевидцев. Правильно поставленная и исполненная сцена побуждает аудиторию вменить некое Я исполняемому персонажу, но это вменение – это Я – является *продуктом* состоявшейся сцены, а не ее *причиной*. И, следовательно, Я как исполняемый персонаж – не органическая вещь, имеющая конкретное местоположение, чья непреложная судьба состоит в том, чтобы родиться, повзрослеть и умереть; это драматический эффект, диффузно возникающий из исполняемой сцены, и самое главное, самое решающее состоит в том, поверят в него или нет.

Таким образом, анализируя Я, мы отвлекаемся от его обладателя, лица, которому оно будет приносить наибольшие прибыли или потери, ибо он и его тело служат лишь крючком, на который временно вешается нечто, являющееся продуктом совместного производства. Средства производства и поддержания подобных Я не заключены в самом крючке; на самом деле эти средства часто ввинчены в социальные учреждения. Там будут существовать закулисный регион с заключенными в нем средствами приведения тела в порядок и фронтальный регион с его фиксированным реквизитом. Будет команда лиц, чья деятельность на сцене, соединяясь с наличным реквизитом, конституирует сценическое действие, из которого будет рождаться Я исполняемого персонажа; и будет другая команда, аудитория, чья интерпретаторская деятельность необходима для его рождения. Я – продукт всех этих аранжировок, и во всех его частях содержатся признаки такого его происхождения.

Вся машинерия производства Я, конечно, громоздка и иногда ломается, выставляя на обозрение отдельные свои компоненты: закулисный конт-

роль, тайный командный сговор, тактичность аудитории и т.д. Но если она хорошо смазана, впечатления будут вылетать из нее достаточно быстро, чтобы увлечь нас в объятия одного из наших типов реальности; исполнение будет венчаться успехом, и прочное Я, которым будет снабжен каждый исполняемый персонаж, будет казаться проистекающим из самого нутра его исполнителя.

Теперь перейдем от индивида как исполняемого персонажа к индивиду как исполнителю. Он обладает способностью учиться, и эта его способность реализуется в подготовке к исполнению роли. Он склонен предаваться мечтам и фантазиям; какие-то из них являют его взору приятные картины триумфального исполнения, другие наполнены тревогой и страхом, внушая нервные мысли о роковых дискредитациях в публичной фронтальной зоне. Он часто проявляет стадное тяготение к команде и аудиториям, тактичное внимание к их интересам, но вместе с тем обладает и способностью к глубокому чувству стыда, которая заставляет его минимизировать риски, связанные с выставлением себя напоказ.

Эти атрибуты индивида как исполнителя — не просто изобразительный эффект частных исполнений; они психобиологические по своей природе и вместе с тем, видимо, возникают из тесного взаимодействия с обстоятельствами сценических исполнений.

И, наконец, последнее замечание. При разработке концептуальной рамки, применявшейся в этом отчете, использовался язык театральной сцены. Здесь говорилось об исполнителях и аудиториях, о рутинных и ролях, об удавшихся исполнениях и провалах, о репликах, сценических обстановках и закулисном регионе, о драматургических потребностях, драматургическом мастерстве и драматургических стратегиях. Теперь пора признаться, что эта попытка развить простую аналогию была отчасти лишь риторикой и маневром.

Утверждение, что весь мир театр, достаточно банально, чтобы читатели понимали его ограниченность и терпимо относились к его предъявлению, зная, что они в любой момент легко смогут доказать самим себе, что его не следует воспринимать слишком буквально. Действие, поставленное в театре, является сравнительно умышленной иллюзией и признается таковой; в отличие от обычной жизни, с исполняемыми персонажами не может произойти ничего реального, или действительного, — хотя на другом уровне, разумеется, может случиться нечто реальное и действительное с репутацией исполнителей как профессионалов, чьей каждодневной работой является постановка театральных представлений.

И вот здесь-то язык и маска театральной сцены будут отброшены. Ведь, в конце концов, строительные леса возводятся для постройки чего-то другого с расчетом на то, чтобы впоследствии их демонтировать. Этот отчет посвящен не аспектам театра, проникающим в повседневную жизнь. Он посвя-

щен структуре социальных столкновений (encounters) — структуре тех единиц социальной жизни, которые возникают всякий раз, когда лица входят в непосредственное физическое присутствие друг друга. Ключевым фактором в этой структуре является поддержание единого определения ситуации, причем это определение должно быть как-то выражено, а это выражение — поддерживаться перед лицом множества потенциальных сбоев.

Персонаж, исполняемый в театре, в чем-то нереален и не имеет таких реальных последствий, какими обладает насквозь вымышленный персонаж, сыгранный мошенником; но успешная сценическая постановка любого из этих типов фальшивых образов предполагает применение реальных техник, причем тех же, с помощью которых самые обычные люди поддерживают свои реальные социальные ситуации.

Те, кто осуществляют взаимодействие лицом-к-лицу на сцене театра, должны отвечать ключевому требованию реальных ситуаций: они должны экспрессивно поддерживать определение ситуации; но делают они это в обстоятельствах, способствующих развитию у них подходящей терминологии для интеракционных задач, общих для всех нас.

Перевод с англ. В.Г. Николаева